

С. И. Лиман

История генуэзских владений в Крыму в трудах медиевистов Украины (30—первая половина 80-х гг. XIX в.)

Одним из наиболее приоритетных направлений исследований в отечественной медиевистике XIX в. являлось средневековое прошлое родины европейского Возрождения — Италии. При этом если история большинства ее городов-государств давала основной материал исследователям внутренних процессов, происходивших на Апеннинском полуострове, то средневековая Генуя вызывала научный интерес в связи с ее колониальной политикой. Подобные приоритеты отечественных ученых объясняются тем, что в состав Российской империи в XVIII в. были включены земли, колонизированные итальянцами в средние века. Естественный интерес к прошлому крымских городов и сохранившиеся памятники средневековой материальной культуры стимулировали научную активность историков южных, прежде всего украинских, губерний страны.

Изучение медиевистами украинских земель Российской империи истории средневековых генуэзских владений в Крыму еще не стало предметом специального исследования. Еще в 1969 г. вышла статья В. В. Бадяна об истории генуэзской колонизации Северного Причерноморья в историографии России [1]. И хотя в статье рассматривались труды некоторых ученых украинских земель (П. И. Кеппена, Н. Н. Мурзакевича, М. А. Волкова), она хронологически ограничена дореформенным периодом. Отдельные аспекты данной темы затрагивались в основном в контексте изучения конкретно-исторических проблем, посвященных истории и археологии Крыма. В указанных работах встречаются краткие упоминания о заслугах наиболее крупных исследователей XIX в. (П. И. Кеппена, Н. Н. Мурзакевича, В. Н. Юргевича) или ссылки на их работы [2, с. 167–168; 3, с. 49–50, 59–60; 4, с. 23; 5, с. 88–89; 6, с. 118–119, 122, 124–125; 7, с. 108; 8, с. 320, 393, 402, 410; 9, с. 42; 10, с. 72, 75–76; 11, с. 84; 12, с. 213; 13, с. 156]. Наиболее часты в публикациях современных авторов ссылки на текст «Устава для генуэзских колоний в Черном море», изданного В. Н. Юргевичем. Его же творчеству посвящена отдельная статья С. И. Лимана [14]. В статье этого же автора «Средневековая Италия в трудах медиевистов украинских земель Российской империи (1804–1885 гг.)» рассматривается творчество П. И. Кеппена, Н. Н. Мурзакевича, Ф. К. Бруна и ряда других членов Одесского общества истории и древностей [15, с. 339–347]. Наконец, в послесловии к опубликованному сборнику работ Е. Ч. Скржинской А. В. Джанов поместил обширную статью «Судакская крепость. Двести лет исследований», в которой представлен краткий, но емкий анализ основных работ XIX в. по истории и эпиграфике Судака [16, с. 322–324]. Ссылалась на этих авторов (П. И. Кеппена, Н. Н. Мурзакевича) и сама Е. Ч. Скржинская, а часть эпиграфического наследия В. Н. Юргевича была весьма критически оценена и скорректирована ею [17, с. 190, 199–207, 209–212, 224–225, 254]. Однако все указанные публикации не могут дать полного представления о вкладе

ученых украинских губерний Российской империи в исследование истории генуэзских крымских колоний. Таким образом, цель данной статьи — показать степень изученности в Украине в 30-е—первой половине 80-х гг. XIX в. истории средневековых крымских поселений генуэзцев. Анализ колониальной политики Республики Св. Георгия в Крыму является частью исследуемой автором темы «Медиевистика в украинских землях Российской империи в 1804—первой половине 1880 гг.».

У истоков разработки учеными Украины краеведческой крымской тематики, несомненно, стоял экономист, этнограф и историк, выпускник Харьковского университета П. И. Кеппен (1793–1864). Один из инициаторов создания Русского географического общества, впоследствии избранный адъюнктом Российской Академии наук, П. И. Кеппен в 1827 г. по служебным делам переселился в Крым, где занимался изучением исторического прошлого полуострова. Его перу принадлежит обширный труд «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (1837). Этот крупнейший для своего времени историко-археологический свод, несмотря на свое название, включал в себя значительный материал и о крымском средневековье, в том числе об истории и укреплениях генуэзских поселений: Солдайи, Чембало и др. П. И. Кеппен объективно оценивал значительное влияние татарского и турецкого факторов на развитие генуэзских колоний в Крыму, однако эти и другие исторические справки П. И. Кеппена не всегда отличались должной полнотой. Тем не менее, многие его выводы представляют особый интерес. Среди них: развернутая оценка впервые переведенного им договора 1380 г. между генуэзцами и татарами; попытка точной датировки основания генуэзцами Балаклавы (1365); вывод о том, что «Балаклава, невзирая на незначительность свою, имела во времена генуэзского владычества своих латинских епископов» [18, с. 82–83, 220, 226] и др. Учитывая тогдашний уровень отечественной историографии, показательно, что краеведческо-археологические изыскания и обобщение их результатов во второй трети XIX в. дали гораздо больше, чем историко-аналитическая часть таких трудов.

История генуэзских колоний кратко рассматривалась в магистерской диссертации адъюнкта кафедры всеобщей истории Харьковского университета И. А. Сливицкого (1808–1874) «О влиянии колоний на политические перевороты в Европе» (1839). Ученик М. М. Лунина, И. А. Сливицкий разделял многие прогрессивные научные взгляды своего учителя, и, подобно ему, часто ссылался на высказывания А. Герена. Автор сумел указать на широкую географию генуэзских владений на Востоке, в том числе в Крыму, и подчеркнул, что «коммерческие связи их (генуэзцев — С. А.) предшествовали венецианским» [19, с. 26]. Эпохальным событием в колониальной политике Генуи И. А. Сливицкий считал взятие турками Константинополя, а затем и Каффы. «Генуя, с потерей Каффы, потеряла свою коммерческую важность», — указывал ученый [19, с. 9]. Однако небольшой объем диссертационного исследования (88 стр.) при широких географических и хронологических рамках, а также склонности автора к слишком общим, зачастую бездоказательным замечаниям, помешали ему высказаться о генуэзской колониальной политике в Крыму более определенно.

Большую роль в изучении прошлого итальянских поселений в Северном Причерноморье сыграло созданное в 1839 г. «Одесское общество истории и древностей». Как подчеркивалось в его Уставе, «Общество возложило на себя обязанность распространять по возможности исторические и археологические сведения о Новороссийском крае и Бессарабии» [20, с. 10]. На страницах издаваемых им «Записок» было опубликовано в рассматриваемый период полтора десятка научных работ по истории генуэзских колоний в Крыму. Их авторами являлись Н. Н. Мурзакевич, В. Н. Юргевич, Ф. К. Брун, М. А. Волков, В. В. Григорьев. Отметим, что ООИД продолжило свою деятельность и после создания в 1865 г. Новороссийского университета в Одессе.

Длительное время вице-президентом и фактическим руководителем ООИД был Н. Н. Мурзакевич (1806–1883). Выпускник Московского университета, многолетний преподаватель, а впоследствии и директор Одесского Ришельевского лицея, он еще до

создания Общества защитил магистерскую диссертацию «История генуэзских колоний в Крыму» (1837). Это было первое монографическое исследование по данной тематике в европейской медиевистике [ср.: 1, с. 139] и первая диссертация по итальянской тематике, подготовленная в украинских землях. Без преувеличения можно сказать, что данная работа положила начало всем последующим специальным исследованиям в Украине истории колониальной политики Генуи. Эту политику Н. Н. Мурзакевич реконструировал как по генуэзским (Агостино Джустиниани, Карло Варезе, Джироламо Серра), так и по византийским письменным источникам (Георгий Кедрин, Никифор Григора и т. д.). Отметим, что на важность ряда данных источников (Агостино Джустиниани, Никифор Григора) указывал впоследствии С. П. Карпов [4, с. 17–18].

Начало проникновения генуэзцев в Черное море Н. Н. Мурзакевич справедливо связывал с той драматичной борьбой, которую вели против Латинской империи и ее союзницы Венеции византийцы. «Для достижения своей цели Генуэзская республика начала тем, что предложила свою дружбу прежним владельцам Константинополя», — отмечал автор [21, с. 2]. В заслугу Н. Н. Мурзакевичу следует поставить и то, что он сумел показать общую политическую обстановку в Юго-Восточной Европе того времени, связанные с ней дипломатические резоны итальянских республик, их внешнеполитические и торговые предпочтения. Эти предпочтения делали, что вполне логично, невозможным заключение из-за позиции Венеции договора между Латинской империей и Генуей и, в свою очередь, возможными соглашения Генуи с византийцами. Стремление генуэзцев «возвратить прежнему греческому царственному дому престол, отнятый латинянами» и привело, как убедительно показал автор, к заключению между Михаилом Палеологом и Генуей знаменитого Нимфейского договора 1260 г., которым «император дозволил им (генуэзцам. — С. А.) плавание по Черному морю, запретив оное венецианцам...» [21, с. 3–4]. Описанные Н. Н. Мурзакевичем причины, характер и значение договора 1260 г. в основном не противоречат оценкам этого соглашения и в современной историографии [ср.: 22, с. 90].

Н. Н. Мурзакевич не принял распространенного в зарубежной медиевистике мнения о том, что Каффа была подарена генуэзцам Михаилом Палеологом «в награду за многие услуги, оказанные ему этим народом» [21, с. 9]. Ученый стоял на точке зрения, относящей передачу Каффы генуэзцам к их денежной сделке с татарским ханом Оран-Тимуром. Впрочем, в дискуссии о времени возникновения генуэзского поселения в Каффе Н. Н. Мурзакевич так и не высказал однозначного суждения, ограничившись лишь воспроизведением противоречащих друг другу данных генуэзских источников и современных ему исследователей. Отметим, что подобная дискуссия, в которой приводятся зачастую полярные оценки (от 1238 г. у Н. П. Соколова до 1270-х гг. у С. Г. Бочарова), активно ведется и в последние десятилетия [2, с. 110; 5, с. 85; 12, с. 213; 24, с. 116, 139]¹. Однако попытка Н. Н. Мурзакевича дистанцироваться от выяснения подобного вопроса представляется тем более удивительной, что именно Каффе, несмотря на название своей монографии, Н. Н. Мурзакевич посвятил основную часть ее текста. Солдаи, Чембало, Феодоро и другим поселениям было уделено гораздо меньше внимания, что, на наш взгляд, не может быть объяснено только лишь особым статусом Каффы, как центра генуэзских владений в Крыму. Само падение в результате турецкой агрессии Каффы, «этого главного звена цепи, соединявшего все генуэзские поселения и фактории в Крыму», способствовало, по мысли Н. Н. Мурзакевича, быстрому падению всех остальных крымских владений республики Св. Георгия, и, в свою очередь, «с падением поселений при берегах Черного моря, упала торговля генуэзцев и древняя слава их мореходства» [21, с. 84, 88]. Последний

¹ В работе С. А. Секеринского, О. В. Волобуева, К. К. Когонашвили «Крепость в Судак» указывается 1289 г. но не как время образования в Каффе генуэзской колонии, а как время ее первого письменного упоминания.

вывод может считаться преувеличенным в связи с удачной переменной Генуей путей торговли и дальнейшим ростом ее флота в XV—XVI вв. [см.: 25, с. 65–66].

Несмотря на отсутствие глав и параграфов (перечень основных объектов исследования без всякой их нумерации автор привел лишь в оглавлении), Н. Н. Мурзакевич предпринял попытку осветить самые различные аспекты истории Каффы и ряда других генуэзских поселений в Крыму: особенности системы управления, обязанности должностных лиц, характер хозяйственной деятельности, основные статьи и направления торговли, церковную политику, отношения с венецианцами, византийцами, татарами и т. д. В связи с этим нуждается в корректировке мнение В. В. Бадяна о том, что социально-экономические вопросы развития колоний «совсем не находят места» в работе Н. Н. Мурзакевича [1, с. 139]. Заслуживает высокой оценки и подробное описание одесским ученым функций консулов Каффы и, в особенности, работа по установлению их именного списка.

К проблеме именного состава и должностных функций каффских консулов Н. Н. Мурзакевич обращался и в дальнейшем. Этой теме была посвящена его статья «Генуэзские консулы города Кафы»¹ (1853), вышедшая 16 лет спустя после публикации магистерской диссертации. По собственному признанию автора, список каффских консулов, помещенных в его диссертации, не может считаться полным, поскольку в этом ранее использованном списке аббата Одерико (изд. 1792) отсутствовали даты избрания и окончания правлений, а также некоторые имена. Этот пробел ученый восполнил данными из генуэзского архива Банка Св. Георгия. Однако и данные, приведенные в статье, и общие выводы автора требуют некоторых комментариев.

Прежде всего нуждается в уточнении статистический аспект. По словам Н. Н. Мурзакевича, новый список «против прежнего полнее (13-ю консулами более)». Действительно, если в старый список включены 56 консулов, то в новый — 69. Однако легко обнаружить, что в уточненном списке один и тот же консул — Антонио Спинола — встречается дважды (в 1411 и в 1412 гг.)². Следовательно, новый список больше на 12 консулов, и их в нем реально 68.

Новый список, предложенный Н. Н. Мурзакевичем, хронологически охватывал период с 1289 г. (консульство Паолоно Дория) по 1475 г. — год взятия Каффы турками (консульство Галеаццо де Леванто; в прежнем списке — Антонио дела Габелла). Если сопоставить данные по векам, то наиболее полный именной состав дают первые 75 лет XV в. (49 консулов), в то время как конец XIII в. и XIV в. заполнены лишь 19 именами. Ученый не разъяснил, почему кроме новых имен в уточненном списке каффских консулов обнаруживается новое написание некоторых из прежних имен и новые годы правления (например, Дондидио де Джуисто (1342); в старом списке он фигурировал, как Джусти под 1343 г.; Аймоне де Гримальди (1374), в старом списке — Симоне Гримальдо; Пьетро Кацано или Газано (1382), в старом списке — тремя (!) годами позже (1385), и т. д. Однако при недостаточной развернутой аналитической составляющей статьи и отсутствии более полного научного комментария, сама публикация уточненного списка каффских консулов представляла большую ценность. О перспективности и важности поднятой в творчестве Н. Н. Мурзакевича проблематики свидетельствует и растущий интерес к ней в современной историографии [8; 13; 27].

Н. Н. Мурзакевич в течение всей своей научной деятельности оперативно реагировал на появление новых источников, в том числе археологических, относящихся к эпохе генуэзского владычества в Крыму (см. его заметку по результатам сообщения корреспондентов ООИД А. Самойлова и Е. Шевелева «Генуэзский меч, найденный

¹ По традиции в отечественной историографии XIX в. топоним Каффа часто писался как «Кафа».

² Подобные исключения для занимающих консульскую должность были вполне возможны и признавались самим же автором [26, с. 552].

в Крыму» (1844) [28, с. 624]. В «Донесениях Обществу» за 1872 г. Н. Н. Мурзакевич представил отчет об изучении им новых эпиграфических данных, в том числе надписей в Судакской крепости и сохранившейся в ней генуэзской церкви. Эти данные позволили ученому выдвинуть предположение о том, что начало постройки церкви (4 января 1424 г.) вероятнее всего совпадает с началом строительства общей стены; «а их было две: внешняя и внутренняя с башней наверху Св. пророка Илии» [29, с. 318]. Отметим, что современные исследования относят строительство генуэзских стен Солдаи к более раннему времени [10, с. 68, 74–75; 30, р. 159].

Изучение эпиграфических памятников генуэзской эпохи занимало значительное место в творчестве ближайшего помощника Н. Н. Мурзакевича по работе в ООИД, секретаря, а с 1883 г. — вице-президента этого общества, профессора Новороссийского университета В. Н. Юргевича (1818–1898). Этому были посвящены четыре его статьи. Ученого интересовали генуэзские надписи, найденные или по-новому им прочитанные сразу в нескольких бывших владениях Республики Св. Георгия: Судаке (Солдае), Феодосии (Каффе), Балаклаве (Чембало). Распределение материала по этим городам в статьях В. Н. Юргевича практически равномерно; схожим образом можно оценить и значимость различных эпиграфических памятников в различных генуэзских поселениях. При этом ученый не только работал с надписями, хранящимися в феодосийском и одесском музеях или вывезенных в Геную в ходе Крымской войны [31, с. 319–320], но и сумел открыть ряд новых. Исследовательский прием В. Н. Юргевича включал в себя как само прочтение памятника и его перевод [32, с. 401], так и краткие исторические комментарии к таковым; например, указания на активную поддержку папой Климентом VI каффских христиан. Именно в его честь была названа одна из башен Каффы с надписью на ее мраморной плите за номером 5 от 1346 г. [33, с. 160–162]. Среди каффских надписей, которые были известны еще П. И. Кеппену, и которые вызывали наибольший интерес у В. Н. Юргевича, следует назвать каменную плиту консула Джованни де Скаффа, датированной им 1341 г., и на этом основании названной ученым «древнейшей надписью из известных нам генуэзских», а также надпись на башне, восстановленной в правление Антониотто Адорно и Якобо Спинолы и датированной 1384 г., в отличие от датировки П. И. Кеппена (1382) [34, с. 275, 279–280].

В судакских надписях (всего 11), основное внимание В. Н. Юргевич сосредоточил как на уточнении текста надписи в генуэзской капелле над алтарем [32, с. 398], так и на надписях в Нижней крепости (время с 1385 по 1422). «Поелику все эти надписи находятся или находились в стенах Нижней Судакской крепости, — отмечал ученый, — то из этого явствует, что генуэзцы занялись ее постройкой после договора с ханом Тохтамышем при Трех колодцах, заключенного 28 ноября 1380 г.» [33, с. 169]. В дискуссии по вопросу о времени строительства первых судакских укреплений В. Н. Юргевич считал эти стены наиболее древними и отвергал мнения о том, что первые стены были возведены еще в 1332 г. [33, 169]. Известная исследовательница Судакской крепости Е. Ч. Скржинская, несмотря на целый ряд критических замечаний относительно правильности предложенных В. Н. Юргевичем прочтений надписей и их переводов [17, с. 205–207, 214, 224–225, 254], тем не менее, считала «полнейшим из существующих» его издание 1863 г. и последующие дополнения к нему [17, с. 190] и предлагала его переиздать [17, с. 269]. Отметим, что описанием В. Н. Юргевичем судакской плиты 1387 г. воспользовалась в своей недавно вышедшей статье Е. А. Яровая [13, с. 156].

Среди балаклавских надписей (4 были вывезены в Геную, и описание двух из них одесский ученый сумел получить из генуэзского «Общества истории»), В. Н. Юргевичу удалось изучить три, в том числе оставшуюся на стенах церкви Двенадцати Апостолов (начало постройки 1357 г. при консуле Симоне дель Орто). «Надпись важна для нас, как доказательство давности генуэзского владычества в Балаклаве, — отмечал ученый. — До сих пор древнейший консул и комендант балаклавский, известный нам, был Гриффотто Гриффотти в 1374 г., по свидетельству Канале...

Покорение же Балаклавы генуэзцами относят к 1365 г., то есть ко времени, когда был покорен Судак» [33, с. 176]. В отличие от стоящего на этой точке зрения П.И. Кеппена [18, с. 220], В. Н. Юргевич считал, что владычество генуэзцев «в этом городе гораздо древнее и находится, по всей вероятности, в связи с завоеванием Кафы и части Крыма отрядом генуэзских рыцарей после 1204 г., т. е. после завоевания Константинополя латинянами» [33, с. 176].

Эпиграфика не была единственным научным направлением, вызывавшим интерес у В. Н. Юргевича. Некоторую ценность для изучения истории генуэзских поселений в Крыму могут представлять его публикации по нумизматике края. Еще до В. Н. Юргевича в этом направлении велась работа членом ООИД, известным востоковедом В. В. Григорьевым (1816–1881), который в 1838–1844 гг. был профессором восточных языков Одесского Ришельевского лицея. Одну из своих статей он посвятил проблеме происхождения генуэзско-татарских монет. В. В. Григорьев не сомневался в том, что находившиеся в коллекции музея Общества серебряные двуязычные монеты были отчеканены именно генуэзцами, о чем свидетельствовали встречающиеся лишь на генуэзских монетах особенности портала [35, с. 303]. Отметив крайне низкое качество чеканки этих монет, В. В. Григорьев высказал предположение о том, что генуэзцы чеканили эту монету «не добровольно, а по необходимости, именно в знак признания верховной власти ханов над своими владениями на полуострове» и «этой монетой платилась, вероятно, часть подати или контрибуции, которые шли в казну ханскую» [35, с. 307].

Почти за три десятилетия, прошедших после этой публикации, музей ООИД обогатился новыми нумизматическими находками (40 единиц), включая генуэзско-татарские, как серебряные, описанные В. В. Григорьевым, так и медные. Между тем, по собственному признанию В. Н. Юргевича, «в заграничных нумизматических коллекциях, даже в самой Генуе, нет крымско-генуэзских монет и ни один экземпляр не показан в известной средневековой нумизматике Лелевеля» [36, с. 147]. К сожалению, это уникальное собрание в скором времени было украдено. Как сообщал в своем письме в Херсонесский монастырь Н. Н. Мурзакевич, воры пробрались ночью в Музей ООИД, «вытащили шкаф с монетами эллинскими и восточными золотыми, серебряными и медными и унесли монеты в количестве свыше 5000». Среди них была коллекция генуэзско-татарских монет [37, л. 89].

В. Н. Юргевич в своей статье в целом разделял мнение В. В. Григорьева о причинах их чеканки (необходимость признавать верховную власть ханов, платить им дань, и т. д.) Он представил сравнительный анализ серебряных и медных монет и попытался установить время чеканки. «Ни один документ, ни один летописец, известный нам, не упоминает, чтобы Кафа пользовалась привилегией чеканить монету во время своей зависимости от Генуэзской республики, — подчеркивал В. Н. Юргевич. — Напротив, как видно из уставов 1290 и 1316 г., это было строжайше запрещено... В уставе 1449 г., изданном республикой для г. Кафы, в котором не упущены самые малейшие подробности колониального управления, не говорится ни слова ни о монетах, ни о чиновниках, сюда принадлежащих» [36, с. 153]. Последующий анализ письменных источников, привлеченных В. Н. Юргевичем в дополнение к нумизматическим, позволил ученому утверждать, что о монетном дворе в Каффе впервые говорилось в письме консула Домокульта и его помощников к протекторам Банка Св. Георгия в августе 1454 г. На основании этого ученый выдвинул предположение, что монетный двор был учрежден ранее 1454 г., «до уступки колоний банку республики, вскоре после издания устава 28 февраля 1449 г., как следует заключить из монет с начальными буквами J. J., которые не могут принадлежать никому, кроме Джованни Джустиниани, консула в 1449–1450 гг.» [36, с. 154–155]. Однако именно этот вполне аргументированный вывод В. Н. Юргевича вызвал несогласие известного итальянского ученого, члена Исторического общества в Генуе К. Десимони. Это возражение настолько поколебало уверенность одесского историка, что уже в следующей статье он признал правоту оппонента: «Мое

предположение об учреждении монетного двора в Кафе при Хаджи-Гирее, не ранее 1449 г., опровергается тем, что в книгах кафского казначейства за 1420, 1422, 1423 и 1424 отмечены издержки на починку и покупку железных инструментов для монетного двора» [38, с. 466]. Пересмотрев, таким образом, свою точку зрения и признав вслед за К. Десимони факт существования монетного двора в Кафе в 1420 г., одесский ученый отнес причину молчания Устава 1449 г. о монетном дворе к области нерешенных вопросов.

Сам Устав 1449 г. был полностью опубликован В. Н. Юргевичем на страницах «Записок ООИД» еще в 1863 г. «Он принадлежит тому времени, когда владычество генуэзцев на водах черноморских... начало клониться к упадку, и должноствовало вскоре исчезнуть безвозвратно», — указывал ученый [39, с. 629]. На первое место среди причин принятия Устава В. Н. Юргевич поставил «меры осторожности относительно татар, турок и христиан других исповеданий», а также продажность чиновников, взяточничество, «ослабление правосудия», ухудшение торговой конъюнктуры, что в свою очередь было связано с отдаленностью колоний от метрополии [39, с. 630].

Публикация текста Устава 1449 г. была осуществлена В. Н. Юргевичем впервые еще за пять лет до его издания в Генуе Лигурийским обществом истории. Подлинник Устава находился в генуэзском архиве Банка Св. Георгия, и одесский ученый воспользовался для публикации копией 1843 г. из личной библиотеки князя С. Воронцова. В. Н. Юргевич полностью привел латинский текст Устава с параллельным русским переводом [39, с. 632–815] и достаточно подробным научным комментарием [39, с. 816–837]. Наряду с 76 главами самого Устава в публикацию ученого вошли также и 20 глав, объединенных общим названием «Об устройстве мест, подчиненных городу Каффе». Несмотря на то, что латинский текст копии, по собственному признанию В. Н. Юргевича, в ряде мест был искажен переписчиком, в издании он остался без исправлений. Это несколько снижало ценность публикации. Тем не менее, без ссылок на издание В.Н. Юргевича не могут обойтись даже авторы новейших работ по истории генуэзских поселений в Крыму [5, с. 88–89; 6, с. 118–119, 122, 124–125; 7, с. 108; 8, с. 393].

Тематически и хронологически к работам В. Н. Юргевича тесно примыкало творчество еще одного члена ООИД М. А. Волкова (годы жизни и биографические данные не установлены). Его перу принадлежат статьи «О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в.» (1858) и «Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) (1872)»).

Основными источниками для первой статьи послужили грамоты венецианского и генуэзского правительств из Архива Республики Св. Марка. Само же соперничество двух итальянских купеческих республик автор связывал, прежде всего, с их торговой экспансией. Соглашаясь в этом вопросе с Ж.-Ш.-Л. Сисмонди, М. А. Волков так охарактеризовал экономическую подоплеку внешней политики итальянских государств: «Флоренция, Генуя и Венеция заняли первые места во всемирной торговле, и купечество вознеслось на столь видную степень значения, что все дела приняли в XIV в. отпечаток купеческий» [40, с. 152]. Верно оценив побудительные мотивы активной внешней политики Венеции и Генуи, М. А. Волков, в то же время, выдвинул довольно спорную мысль о том, что обе купеческие республики стремились к торговле с Востоком постольку, поскольку уступили Флоренции первенство на рынках Европы. Вслед за Н. Н. Мурзакевичем, М. А. Волков признавал договор 1260 (1261) г. между Михаилом Палеологом и Генуей началом упадка венецианской экспансии в Черном море. Очередным поражением Республики Св. Марка ученый считал венецианско-генуэзский договор 1299 г., по которому «венециане обязались 30 лет не входить в Черное море» [40, с. 155].

В отличие от Н. Н. Мурзакевича, М. А. Волков не только развернуто показал, как общая татарская опасность содействовала в середине XIV в. сближению венецианцев и генуэзцев в Крыму, но и представил в подтверждение своих рассуждений вполне доказательную источниковую базу (Грамота генуэзского дожа Симеона Буканигры к Варфоломею Граденигу с предложением о дружбе и совместных действиях (1342)

[40, с. 157]. Характеризуя последующие союзные акты 1344 и 1345 гг., М. А. Волков подчеркивал, что в них «отзывается купеческий дух того века, которому они принадлежат, в них выражается купеческий взгляд итальянских общин на взаимные их отношения» [40, с. 159]. В этом же ключе в основном трактуются данные события и в современной медиэвистике [4, с. 305].

Автор сумел показать не только совместную борьбу генуэзцев и венецианцев против татар, но и то, как соперничество двух христианских купеческих республик было использовано самими татарами и к каким методам прибегали в свою очередь Венеция и Генуя, чтобы заручиться поддержкой татар в борьбе друг против друга [40, с. 160].

Рассматривая историю венецианско-генуэзского соперничества, автор пытался показать, как результаты этого соперничества влияли и на внутреннюю историю двух республик в конце XIV в. Он противопоставлял могущественную венецианскую олигархию «демократии», приведшей Геную к 20-летним внутренним распрям [40, с. 177–178].

Большую ценность для науки представляло приложение к очерку М. А. Волкова. В нем автор представил 18 грамот из истории венецианско-генуэзских отношений XIV в. на языке оригинала с параллельным переводом и краткими комментариями. Наиболее важными для истории венецианско-генуэзских отношений следует считать «Акт о союзе», заключенный представителем венецианской общины Марко Лауредано с генуэзским полномочным представителем Коррадо Цигалло [40, с. 193–204].

В статье автор уделил немало места истории Каффы, хотя, подобно Н. Н. Мурзакевичу, не высказался о времени ее основания определенно. Именно этому городу была целиком посвящена следующая работа М. А. Волкова «Четыре года города Кафы» (1453, 1454, 1455 и 1456) (1872). Сборник «*Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la Signoria dell'Ufficio di S. Giorgio*», изданный «Лигурийским обществом отечественной истории» и ставший основным источником для М. А. Волкова, по его собственным словам, значительно дополнял «краткие сведения состояния Кафы, со времени подчинения ее Банку Св. Георгия», помещенные в докторской диссертации Н. Н. Мурзакевича [41, с. 109]. Отметим, что на особую важность этого источника для истории черноморских факторий Генуи с 1453 г. указывал и С. П. Карпов [4, с. 12].

В истории генуэзских колоний на Черном море этот год М. А. Волков справедливо считал эпохальным. Захват турками Константинополя, союзницей которого являлась Генуя, заставило генуэзцев, по определению автора, «прибегнуть к дипломатической ловкости», поскольку «о мерах военных и думать было нечего» [41, с. 110]. Проявлением подобной «дипломатической ловкости» автор считал передачу черноморских владений Генуи Банку Св. Георгия. Терминология автора в данном случае вполне оправдана: хотя анализ деятельности Банка в Европейском континенте в целом и не входил в задачу данного труда, такая оценка по сути переключается с мнением В. И. Рутенбурга, считавшего, что в XV в. к Банку «фактически переходит экономическое, да и внешнеполитическое управление республикой... он становится главным стержнем государства» [25, с. 66].

Эту передачу «в полную собственность, на вечные времена», М. А. Волков связывал еще и с плачевным состоянием финансов Генуэзской республики. Но если вышеизложенные причины, подкрепленные надежной источниковой базой автора, не могут вызывать возражений, то его утверждение о том, что «известие об уступке колоний Банку Св. Георгия... произвело всеобщий восторг, ибо доверие к мудрости, решительности и честности Банка было неограниченное» [41, с. 112–113], нуждается в более прочных документальных свидетельствах, нежели те, что были представлены. По крайней мере, быстро вспыхнувшие внутренние беспорядки в колониях (в трактовке самого же М. А. Волкова, взятой из документов — «величайшая анархия»), вызывают естественный вопрос: таким ли уж безграничным было доверие жителей итальянских колоний к Банку, и достаточными ли являлись меры, предпринятые этим

Банком для оправдания своей репутации? Словно эпитафией этим мерам звучал отзыв М. А. Волкова об итогах 1455 г.: «Однако, сколько Банк Св. Георгия и консулы ни старались упрочить благосостояние колоний, обстоятельства все более и более удручали положение генуэзских поселений» [41, с. 134–135]. И даже активность Банка в таком отчаянном деле как попытка организовать вместе с папой Каликстом III антигурецкий крестовый поход, выглядела явно запоздалой мерой после падения Константинополя. Косвенно это признавал и сам автор; перечислив все усилия и победы папы и его союзников, он, тем не менее, отмечал в заключении, что после смерти в 1456 г. татарского хана Ачи Аджи-Гирея, его преемник Менгли-Гирей «оказался весьма благосклонным к генуэзским поселенцам» [41, с. 143]. Впрочем, и эту благосклонность ученый связывал с временными неудачами турок, а, следовательно, с последними успехами Банка на Черном море.

Карты этого моря изучал одесский ученый, профессор истории и статистики Ришельевского лицея, с 1866 г. — доцент и профессор кафедры всеобщей истории Новороссийского университета, почетный член генуэзского Лигурийского общества естественных наук, Ф. К. Брун (1804–1880). Указанной теме он посвятил статью «Берег Черного моря между Днестром и Днепром по морским картам XIV и XV вв.» (1858). Эта береговая линия, по словам автора, обратила на себя внимание мореходов «в периоде, в котором морские державы Италии, повсюду состязавшиеся о торговом наследстве древних эллинов, возвратили Черному морю прежнее его значение в коммерческом отношении» [42, с. 244]. Автор представил характеристику восьми известных западноевропейских карт XIV—XV вв. В их числе он особо выделял карту 1318 г. генуэзца Петра (Пьетро) Весконтте, как «наидревнейшую из всех дошедших до нас средневековых карт Черного моря, составленных итальянцами» [42, с. 245]. Отметим, что на эту карту ссылался еще П. И. Кеппен [18, с. 118]. Эта же карта П. Весконтте упоминается в числе важнейших и в статье современного исследователя И. К. Фоменко «Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII—XVII вв.» [9, с. 40]. Таким образом, высокий уровень картографического искусства генуэзцев не вызывал сомнений Ф. К. Бруна. Это подчеркивалось им в дальнейшем и в его рецензиях [43].

Ряд частных, но ценных замечаний о генуэзских поселениях, в основном о Каффе Ф. К. Брун оставил в комментариях к изданному им переводу «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 г.» (1867). Поскольку Шильтбергер, находясь в турецком плену, побывал и в Каффе, он оставил краткое описание этого города, его жителей с их конфессиональной принадлежностью, относя их к шести различным вероисповеданиям. По этому поводу Ф. К. Брун указал в своих примечаниях: «Из сказанного Шильтбергером в XXXVI главе явствует, что он под этими шестью вероисповеданиями разумел четыре христианские и две еврейские. Стало быть, он с намерением в число верующих не включил магометан, хотя и они в его время имели жительство свое, если не в самом городе, то в его предместьях, на основании права, дарованного им договором 1380 г.» [44, с. 122]. Более того, Ф. К. Брун полагал, что крымские мусульмане «еще гораздо ранее пользовались этим правом и только во время частых войн между итальянцами и татарами лишились его» [44, с. 122]. И все же в рассуждениях Ф. К. Бруна о Каффе заметны некоторые противоречия, поскольку его критическим замечаниям об описании Шильтбергером конфессионального состава Каффы предшествовала общая оценка одесского ученого о ценности «Путешествия», как источника, в которой он, в частности, утверждал: «Все подробности касательно Каффы, помещенные в записках Шильтбергера, совершенно согласны с тем, что нам, по другим источникам, известно о важности и внутреннем устройстве этого предвестника Одессы, за исключением того, что он говорит о количестве домов в городе и его предместьях» [44, с. 57].

Истории генуэзской колониальной политики в Крыму Ф. К. Брун посвятил часть большого доклада «О поселениях итальянских в Газарии», прочитанного на Первом

Археологическом съезде в 1869 г. (изд. 1871). В нем были учтены все новейшие источники по данной теме, введенные в научный оборот в Российской империи и на Западе за три десятилетия после публикации рассмотренной выше монографии Н. Н. Мурзакевича. Несмотря на несколько сумбурное изложение, Ф. К. Брун не только высказал в докладе ряд суждений по основным проблемам истории генуэзского владычества в Причерноморье, но и весьма профессионально включился в дискуссию по ним. В результате многие части его доклада отличались острым полемическим характером.

Если началом проникновения генуэзцев в Черное море Ф. К. Брун считал их договор 1170 г. с императором Мануилом [45, с. 367], то вопрос о времени их утверждения в Крыму одесский историк не стал решать самостоятельно. Ф. К. Брун прямо указывал на то, что в Крыму генуэзцы утвердились «еще во время Латинской империи, как доказывал г. Гейд вопреки обыкновенному мнению, что они основали поселение свое в Кафе или Каффе в 1266 г.» [45, с. 376]. Данное высказывание ставит под сомнение научную корректность автора заметки на доклад Ф. К. Бруна, участника того же Археологического съезда В. М. Ведрова, который утверждал: «В настоящей заметке имелось в виду только выразить мысль, что мнение об основании генуэзских колоний в Крыму *в конце XIII в.* (курсив наш. — С. Л.), несмотря на новейшие исследования Гейда, не может считаться положительно доказанным» [46, с. 407].

В пользу точки зрения Ф. К. Бруна по вопросу о начале колонизации генуэзцами Крыма говорит еще одно его высказывание о сущности договора с византийцами в 1261 г., договора, закрывающего Черное море для венецианцев, как союзников Латинской империи [45, с. 375]. Отметим, что на этот договор с византийцами, несмотря на несколько отличную, связанную с особенностями средневекового летоисчисления, датировку (1260 и 1261 гг.), указывали многие историки до и после Ф. К. Бруна [4, с. 90; 21, с. 3–4; 23, с. 159–160].

Ф. К. Брун дал краткий анализ системы управления генуэзских поселений в Крыму, показал характер военных столкновений генуэзцев с венецианцами с одной стороны, татарами и турками-османами с другой, высказался, хотя и ограниченно, об основных хозяйственных занятиях жителей ряда генуэзских поселений. Доказательством бурного развития торговли и процветания Каффы он считал учреждение там в 1318 г. римским папой епископства [45, с. 378]. Каффа стала главным объектом изучения Ф. К. Бруна, поскольку, по справедливому замечанию автора, она являлась центром «всех понтийских колоний генуэзцев» [45, с. 396] и даже в середине XV в. еще «не лишилась прежнего значения» [45, с. 400].

Несмотря на очевидное предпочтение, оказанное Каффе в связи с ее размерами и положением в системе генуэзской колониальной торговли в Крыму, в другой своей публикации «Материалы для истории Сугдеи» (1871) Ф. К. Брун именно Сугдею (Судак), а не Каффу считал «лучшим памятником генуэзского зодчества в Крыму» [47, с. 3]. В публикации встречались утверждения, требующие большей доказательной базы, чем та, что была представлена. «...Из того обстоятельства, что в акте 1204 г. о нашей Сугдеи не говорится ни слова, не следует заключать, будто бы в ней не были учреждены купеческие конторы» венецианцев, — считал Ф. К. Брун [47, с. 13]. Ученый представил краткую историю Сугдеи до 1475 г., когда она была сдана туркам, привлекая для ее реконструкции весьма широкий круг источников. Как и другие работы, эта публикация Ф. К. Бруна изобилвала многими полемическими высказываниями, свидетельствовавшими о весьма высоком уровне современной ему отечественной медиевистики.

Таким образом, ученые украинских земель Российской империи в 30-е—первой половине 80-х гг. XIX в. внесли весомый вклад в исследование различных проблем средневековых генуэзских колоний в Крыму. Данная работа велась по нескольким направлениям (история, археология, источниковедение, эпиграфика, нумизматика). Главным центром подобных исследований являлась Одесса (с 1839 г. — Одесское общество

истории и древностей; с 1865 г. — Новороссийский университет). Основное внимание ученые уделяли истории Каффы, что было связано с ее особой ведущей ролью среди всех генуэзских поселений в Крыму. История этих поселений рассматривалась как в рамках изучения древностей Южного Крыма (П. И. Кеппен) и колониальной политики европейских, в том числе итальянских городов-государств (И. А. Сливичкий), так и в трудах, целиком посвященных данной проблеме. Наибольший вклад в изучение средневекового прошлого этих поселений внесли Н. Н. Мурзакевич (первое в европейской медиевистике монографическое исследование по истории генуэзских поселений в Крыму), В. Н. Юргевич (изучение эпиграфических памятников генуэзской эпохи в Крыму и первая в европейской медиевистике публикация текста «Устава для генуэзских колоний в Черном море» 1449 г.). Их работы, наряду с исследованиями В. В. Григорьева, М. А. Волкова и Ф. К. Бруна заложили прочный фундамент для всех последующих исследований по данной тематике, которые активно ведутся и в наше время.

Ключевые слова: Генуэзские, средневековые, медиевисты, историография, Крым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадян В. В.* Генуэзька колонізація Північного Причорномор'я в історіографії дореформеної Росії//Питання історії народів СРСР. — 1969. — Вип. 6. — С. 135–141.
2. *Якобсон А. А.* Крым в средние века. — М.: Наука, 1973. — 173 с.
3. *Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К.* Крепость в Судаке. — 2-е изд. — Симферополь: Изд-во «Таврия», 1983. — 112 с.
4. *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XIV вв: Проблемы торговли. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 336 с.
5. *Бочаров С. Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII—вторая половина XV в.)//ПСВ. — М., 1998. — Т. 3. — С. 82–116.
6. *Барабанов О. Н.* Новые материалы о статусе *burgenses* Генуэзской Каффы//ПСВ. — М., 1998. — Т. 3. — С. 117–125.
7. *Барабанов О. Н.* Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV—XV вв.//ПСВ. — СПб., 2001. — Т. 5. — С. 108–128.
8. *Пономарев А. А.* Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 1381–1382 гг.//ПСВ. — СПб., 2000. — Т. 4. — С. 317–443.
9. *Фоменко И. К.* Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII—XVII вв.//ПСВ. — СПб., 2001. — Т. 5. — С. 40–107.
10. *Джанов А. В.* Фортификационные сооружения генуэзской Солдайи//Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. — К.; Судак, 2004. — С. 68–76.
11. *Еманов А. Г.* Граффити Солдайского храма//Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. — К.; Судак, 2004. — С. 84–90.
12. *Узлов Ю. А.* К вопросу об итальянской колонизации Северо-Западного Кавказа в XIII—XV вв.//Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. — К.; Судак, 2004. — Ч. 2. — С. 213–219.
13. *Яровая Е. А.* Генеалогия и геральдика генуэзских официалов Крыма (по материалам лапидарного наследия Каффы, Солдайи и Чембало XIV—XV вв.//ПСВ. — СПб., 2005. — Т. 6. — С. 139–169.
14. *Лиман С. И.* Средневековые генуэзские поселения в Крыму в творчестве В. Н. Юргевича (1819–1898)//Древнее Причерноморье: Сб. статей, посвященный 85-летию со дня рождения проф. П.О. Карышковского. — Одесса, 2006. — С. 124–129.
15. *Лиман С. И.* Средневековая Италия в трудах медиевистов украинских земель Российской империи (1804–1885 гг.)//Проблемы истории, филологии и культуры. — М.; Магнитогорск, 2006. — Вып. 16/1. — С. 338–358.

16. Джанов А. В. Судакская крепость. Двести лет исследований//Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика. — К.; Судак; СПб., 2006. — С. 322–367.
17. Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика. — К.; Судак; СПб.: Академперидика, 2006. — 380 с.
18. Кеттен П. Крымский сборник. О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических. — СПб.: Изд-во АН, 1837. — 409 с.
19. Сливичкий И. О влиянии колоний на политические перевороты в Европе. — Х.: Тип. ун-та, 1839. — 88, IV с.
20. Брун Ф. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. — Одесса: Тип. П. Францова, 1870. — 35 с.
21. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. — Одесса: В городской тип., 1837. — III, 91, V с.
22. Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 332 с.
23. Климанов А. Г. Обретение Венецией моря: право, политика, символы//ПСВ. — М., 1998. — Т. 3. — С. 145–163.
24. Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. — Саратов: Изд-во СГУ, 1963. — 542 с.
25. Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. — Л.: Наука, 1987. — 174 с.
26. Мурзакевич Н. Генуэзские консулы города Кафы//ЗООИД. — 1853. — Т. 3. — С. 552–555.
27. Пономарев А. Л. Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г.//ПСВ. — СПб., 2005. — Т. 6. — С. 43–138.
28. Мурзакевич Н. Генуэзский меч, найденный в Крыму//ЗООИД. — 1844. — Т. 1. — С. 624.
29. Мурзакевич Н. Донесения обществу//ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С. 318–322.
30. Valard M. La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle). — Rome; Genova: Socita Ligure di Storia Patria, 1978. — Vol. 2. — 1008 p.
31. Юргевич В. Две генуэзские надписи из Балаклавы//ЗООИД. — 1879. — Т. 11. — С. 319–320.
32. Юргевич В. Донесения о поездке в Крым//ЗООИД. — 1875. — Т. 9. — С. 397–402.
33. Юргевич В. Генуэзские надписи в Крыму//ЗООИД. — 1863. — Т. 5. — С. 157–177.
34. Юргевич В. Новые надписи генуэзские//ЗООИД. — 1868. — Т. 7. — С. 274–282.
35. Григорьев В. Монеты джучидов, генуэзцев и гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие обществу//ЗООИД. — 1844. — Т. 1. — С. 301–314.
36. Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России//ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С. 147–160.
37. Дело о производстве археологических раскопок в местности, где находится древний Херсонис. — ГАГС. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 89.
38. Юргевич В. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в 7 томе «Записок Общества», сделанные итальянским ученым К. Десимони//ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С. 465–471.
39. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году//ЗООИД. — 1863. — Т. 5. — С. 629–837.
40. Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в.//ЗООИД. — 1858. — Т. 4. — С. 151–236.
41. Волков М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456)//ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С. 109–144.
42. Брун Ф. К. Берег Черного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV и XV ст.//ЗООИД. — 1858. — Т. 4. — С. 244–260.
43. Брун Ф. К. [Рец.]//ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С. 289–300. (Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. Tammar Luxoro pubblicato a fac-simile e annotatio dai

- socii C. Desimoni e L. T. Belgrano. Genova, 1867; Nuovi studi sull' Atlante Luxoro pel socio C. Desimoni. Genova, 1869).
44. Брун Ф. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год//ЗНУ. — 1867. — Т. 1. — С. I—IV, 1—156.
  45. Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки//Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. — М., 1871. — Т. 2. — С. 365—403.
  46. Ведров В. М. Об итальянских колониях в XIII в. в Хазарии. Заметки на доклад г. Бруна//Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. — М., 1871. — Т. 2. — С. 404—407.
  47. Брун Ф. К. Материалы для истории Сугдеи. — Одесса: Тип. П. Францова, 1871. — 38 с.

Резюме

Лиман С. І. Історія генуезьких володінь в Криму в працях медієвістів України (30-ті—перша половина 80-х рр. ХІХ ст.)

У статті розглядається історія вивчення медієвістами України в 30-х—першій половині 80-х рр. ХІХ ст. різних проблем середньовічних генуезьких колоній в Криму і впливу на долю цих колоній татар і турків-османів. Установлено, що дослідницька робота велася по декількох напрямках (історія, археологія, джерелознавство, епіграфіка, нумізматики). Головним центром вказаних досліджень була Одеса (з 1839 р. — Одеське товариство історії і стародавностей; з 1865 р. — Новоросійський університет). Головну увагу вчені приділяли історії Кафи, що було пов'язано з її провідною роллю серед усіх генуезьких поселень в Криму. Найбільший внесок у вивчення середньовічного минулого цих поселень зробили П. І. Кеппен, М. Н. Мурзакевич, В. Н. Юргевич, Ф. К. Брун.

Ключові слова: Генуезькі, середньовічні, медієвісти, історіографія, Крим.

Summary

S. Liman. History of Genoese Colonies in Crimea in the Works of Ukrainian Medievalists (1830s—first half of 1880s)

The article discusses the history of study by Ukrainian medievalists in 1830s — first half of 1880s of various problems of medieval Genoese colonies in Crimea and the influence of Tartars and Osmanic Turks on the fate of those colonies. This work is found to have been performed in several aspects (history, archaeology, source studies, epigraphy and numismatics). These studies met the level of their contemporary science, many of their findings preserving scientific value up to our days. The main center of such studies was Odessa (Odessa Society of History and Antiquities since 1839, University of Novorossia since 1865). Further expansion of their themes is tracked. The scientists paid attention mostly to history of Caffa, due to its leading position among all Genoese settlements in Crimea. The largest contribution to the study of medieval past of those settlements was brought by P. I. Keppen, N. N. Murzakevich, V. N. Yurgevich, F. K. Brun.

Key words: Genoese, medieval, medievalists, historiography, Crimea.

